

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 140—147.
Economic and Social Research. 2023. No. 1 (37). P. 140—147.
Научная статья

УДК 1:316.3:304 + 94(47)
doi: 10.24151/2409-1073-2023-1-140-147

Философские основания коллективных практик современности

Н. Н. Равочкин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

*Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции философии автор рассматривает основания коллективных практик в современном мире, анализирует особенности нового, глобального уровня проблем в социальном бытии. Автор подчеркивает роль конструктивистской методологии в преобразовании объектов государственной архитектоники и в дополнение обосновывает значимость концепций диалогизма, релятивизма и прагматизма в применении к формам самоорганизации. В ходе анализа выявлены точки роста для решения широкого круга проблем в социальной практике. В заключение обозначена связь между консолидацией усилий и ресурсами.

Ключевые слова: коллективные практики, консолидация, диалогизм, конструктивизм, релятивизм, прагматизм, ресурсы, интеллект, социальное бытие, мироустройство, миропорядок, методология

Для цитирования: Равочкин Н. Н. Философские основания коллективных практик современности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 140—147. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-140-147>

Original article

Philosophical foundations of collective practices of modernity

N. N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

© Равочкин Н. Н.

Abstract. From a philosophical perspective, the author looks at the foundations of collective practices in the modern world and analyses the specifics of the new, global level of problems in social being. The author emphasizes the role of constructivist methodology in transforming objects of state architectonics and in addition substantiates the significance of the concepts of dialogism, relativism and pragmatism as applied to forms of self-organization. The analysis has identified points of growth for addressing a wide range of issues in social practice. Finally, the link between consolidation of efforts and resources have been outlined.

Keywords: collective practices, consolidation, dialogism, constructivism, relativism, pragmatism, resources, intelligence, social being, world order, methodology

For citation: Ravochkin N. N. “Philosophical Foundations of Collective Practices of Modernity”. *Economic and Social Research* 1 (37) (2023): 140—147. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-140-147>

Современный глобальный мир предполагает формирование соответствующих проблем, глобальных по своей природе, а также методов, которые позволили бы удовлетворить порожденные новыми проблемами запросы. Среди прочих проблема глобального мироустройства мыслится значимой потому, что международные акторы не только преобразовывают формы и способы собственного существования, но также оказывают существенное влияние на всю архитектуру мирового порядка. Предположим, что глобальная проблема может быть решена за счет ресурсов ряда методологических программ, среди которых выделим конструктивизм. Отметим для начала, что традиционно логика данного методологического подхода связывается с феноменологической теорией, теоретическими идеями ряда психологов (например, Ж. Пиаже и Дж. Келли), которые значимы для нас, поскольку вводят в теорию понятие «конструкт», а именно номинируют идеальный объект, производимый человеком и его сознанием и понимаемый как классификационно-оценочный шаблон, на основании которого человек воспринимает мир [9]. Таким образом, конструктивисты полагают, что наличие заранее сформированного конструкта необходимо для восприятия и формирования мира.

Точно такая же логика относится к общественной системе, формируется известный социальный конструктивизм. Следствием этого является отказ от универсальных истин,

признается актуальным положение о конструируемой истине — истине как результате интеракции между социальными субъектами. Признается высокая значимость «многоголосия», диалога как способа организации, конструирования мира.

Конструктивизм в современных его проявлениях и концепциях, в частности в идеях А. Вендта, представляет собой совокупный концепт, в рамках которого становится возможной архитектура современного мирового общественного порядка. Можно говорить о том, что современный конструктивизм, ориентированный на международные отношения, трактуется как методологическое основание, способ формирования структуры мирового порядка. Более того, следует согласиться с утверждением, что так понимаемый конструктивизм не только имеет прикладное значение, но также определяет формы взаимодействия между субъектами международных отношений.

В рамках конструктивистской логики значимой является оппозиция *субъективное — объективное*, в которой первая часть традиционно связывается с культурно-психологическими факторами, в то время как вторая, объективная сторона данной оппозиции связывается с множеством факторов природного и социально-объективного характера, изменение которых оказывается невозможным [5]. В результате логика конструктивизма перерабатывает представленные положения: они с необходимостью включаются в область, которая требует

формирования международных отношений с учетом субъективных (культурных и прочих) и объективных (природных и общеисторических) факторов развития.

Некоторые ученые пытаются показать, что конструктивизм как совокупность идей, дающих возможность сформировать представления о социально приемлемом, допустимом и эффективном на мировой международной арене, не задается вопросом, почему формируется тот или иной тип устройства, а позволяет определить, что именно необходимо для формирования конкретной формы социальной, политической, любой иной интеракции [1]. Как следствие, на уровне познавательных технологий проблемная ситуация конструируется на основе совокупности фактов и действий, которые сами по себе имеют значение исключительно в конкретных условиях и формах взаимодействия. Любое знание, умение, действие получает контекстуальное значение. Как итог, существенным становится именно процесс интерпретации и герменевтического принципа понимания.

Кроме того, представляется ценным толкование степени эффективности конкретных форм договоренностей и социальных конструктов [11]. Последние в значительной степени определяют всю архитектуру отношений и всего мирового устройства на политическом, экономическом уровне и любом другом. На примере американских и советских дипломатических контактов стало возможным наблюдение такой консолидации интеллекта и ресурсов, при которой инструменты преодоления кризисов задействуются и имеют вес. Значимым в связи с этим является анализ происхождения и использования интеллектуальных, политических, военных и иных ресурсов преодоления Карибского кризиса 1962 г. На момент активной фазы кризиса вступили в действие два варианта становления международной политической системы: «жесткий» и «свободный». В рамках жесткой системы признается высокая роль стран-лидеров при минимальной активности нейтральных государств; свободная система предполагает высокую самостоятельность нейтральных

государств, вовлекаемых странами-лидерами в международное взаимодействие [8]. При этом подпитываются конфликты на периферии, но мирового политического и военного конфликта нет.

Центральной формой взаимодействия в период Карибского кризиса выступила работа кризисной дипломатии, поскольку именно она позволила снизить «градус» противоборства и сформировать общие принципы организации миропорядка как для конкретного региона, так и в мировом масштабе. Можно утверждать, что интеллектуальные и коммуникационные ресурсы конструктивизма в данном случае определили векторы взаимодействия между двумя политическими блоками, что способствовало развитию дипломатических отношений между капиталистическим и социалистическим мирами, формированию и четкому разделению сфер влияния США и СССР. Как видим, в рамках конструктивизма консолидация интеллекта и различных ресурсов, в том числе дипломатических, дает возможность не только преодолеть кризис политического, экономического и даже социального характера, но также сформировать такой миропорядок, который выгоден всем сторонам взаимодействия.

Близким по значению к методологической природе конструктивизма является концепт диалогизма, который активно развивался в теориях М. Бахтина, Э. Левинаса, М. Бубера и ряда других известных мыслителей. Принципиальный аспект его состоит в том, что доминирующим считается не *Я* как субъект, высказывающий общие положения или тезис, а *Ты, Другой*, рассматриваемый как равноправный, свободный и уникальный субъект коллективного взаимодействия. Признается, что *Другой* фундаментально определяет существование и функционирование *Я*, поскольку определяет жизнь и способ взаимодействия с *принципиально иным*.

Значимым в этом аспекте диалогизма является признание двух элементов — индивидуального опыта, который транслирует сущность отдельного социального, культурного, исторического и любого другого

субъекта, и коллективного опыта, который становится основанием для формирования общечеловеческих ценностей бытия цивилизации [7]. Говоря об общемировых проблемах, представители диалогической концепции полагают оба эти опыта социализации в основу решения буквально всех трудностей и проблем. Из этого с необходимостью исходит заключение, что консолидация ресурсов индивидуальных устремлений и коллективных форм взаимодействия в коммуникативном пространстве международного сообщества дает возможность разрешать глобальные проблемы.

Концепция диалогизма позволяет разрешить проблемы столкновения национальных идеологий. Эффективность достигается за счет использования идеи М. М. Бахтина о признании *Другого* (культуры, государства, общества) [10] в качестве равного и столь же ценного, как и *Я* (свои культура, государство, общество). Основанная на таком принципе межкультурная коммуникация минимизирует потери и искажение информации в процессе взаимодействия между представителями тех или иных культур.

Иным представляется релятивистский подход, поскольку в рамках его положений все события как на международной, так и на внутренней арене имеют вполне конкретные отдельные причины. Традиционно релятивистский подход к коллективным практикам в современном обществе связывается с методологической программой постмодернизма, которая позиционирует «смерть автора», внеструктурность любого текста, в том числе имеющего социальную природу, а также организацию мира как ризомы — подвижной системы, не имеющей единого стержня, организующего начала.

На международной арене такой подход реализуется в системе идей, утверждающих, что мировой порядок не имеет единых оснований своей организации, что мир полицентричен, малые центры приобретают высокую значимость в организации общественных, политических, равно как и любых других отношений. Этот тезис И. Гордеев комментирует так: «Если эпоха политического модерна была эпохой мировых войн

и биполярной системы, то эпоха политического постмодерна — это время условно свободных и независимых государств, под эгидой США включенных в международное разделение труда и глобальную экономику» [2, с. 80]. Главные ценности здесь — полицентричность (при отсутствии любых, по крайней мере внешних, факторов принуждения), либерально-демократическая форма политики, а также максимальная либерализация рынка.

Некоторые ученые доказывают, что в современном мировом сообществе экономические отношения являются определяющими, поскольку задают вектор развития всех иных отношений — в области политики, социальной и духовной сферах. Ценным в связи с этим представляется замечание И. Гордеева о том, что современная политика отстает от экономического развития, поскольку все попытки сформировать мировое правительство не дали результата. Одновременно с этим отмечается, что все локальные политические системы подводятся под единые стандарты, соответствующие образцу западного сообщества. Ученые признают, что такие политические режимы не имеют собственной сущности, оставаясь, согласно своей природе, копией, а в худшем варианте — симулякром, который по сути нестабилен, поскольку совершенно не адаптирован к конкретным историческим, социальным или культурным условиям. В результате методологический принцип релятивизма сформировал парадоксальную ситуацию в современной мировой системе. С одной стороны, не существует единых форм и способов организации политического, экономического, социального процесса, поскольку имеющиеся формы не адаптированы к реалиям конкретных общественных систем, государств. С другой стороны, такой принцип как общий нарратив необходим для объяснения вектора развития современной цивилизации и общественно-политических и экономических устройств отдельных сообществ. Противоречие двух сторон снимается, пусть и частично, путем симулякризации общемировых процессов. Реализуется идея «подделки» идеологии. Если в XX в.

центральным оказывается противостояние идеологий, частным проявлением которого можно считать борьбу коллективного Запада с Восточным блоком, то в XXI в. такие формы противостояния замещаются попыткой сформировать систему фейков, симулякров различного порядка. Это в конечном счете приводит к отсутствию идеологической базы, в том числе мировоззренческой ее сущности, составляющей и личностную, и общественную жизнь.

Эта точка зрения подтверждается транзитивностью и симулятивностью современной науки. Некоторые ученые, в частности А. А. Гребенюк, признают: «Научная деятельность стала подменяться производством наукообразных, но хорошо продаваемых фейков, трудно отличимых от настоящих научных сообщений. Созданное положение поставило под угрозу общую способность социальной системы к производству научной картины мира, создало угрозу его информационной безопасности, а значит развитию общества в целом» [3, с. 16]. Коллективные практики формирования информационной безопасности обусловлены в значительной степени наличием таких недостоверных данных, в том числе в научной среде. Исследования показывают, что сегодня проводится специализированный аудит, предполагающий поиск недобросовестных форм научной коммуникации, причем речь идет о публикациях не только российских ученых, но также европейских, в частности немецких. А. А. Гребенюк [3] сообщает о выявлении значительного числа публикаций с неправомерным заимствованием, пересечением авторства и другими нарушениями. В целом представленная тенденция указывает на наличие глобальной социальной проблемы, обусловленной значительным количеством недостоверных данных, что требует борьбы, выраженной в различных формах противостояния деградации науки.

Вместе с тем нарративность релятивистских положений предполагает сочетание фейковости с необходимым доминирующим началом. Эффективным инструментом реализации представленной диалектики является формирование

негласных и неполитических форм и способов управления. Центральное положение известных концепций биополитики (например, М. Деланда, М. де Серто, М. Фуко) состоит в использовании неполитических оснований и средств влияния, способов реализации властных отношений. Аналогична точка зрения глобалистов: «...Западу, — подчеркивает И. Гордеев, — не выгоден сильный региональный лидер на постсоветском пространстве, а нужна сеть слабых и зависимых от МВФ государств. В результате возникают проамериканские правительства, и повышается стратегическая нестабильность в регионе» [2, с. 81]. Представленная логика позволяет совместить идею доминирующего центра (в лице Соединенных Штатов, при соблюдении их геополитических интересов), в условиях его скрытости, с сохранением видимости полицентрического мира.

Можно сделать общий вывод, что коллективные практики в современном мире предполагают консолидацию ресурсов со стороны зарубежных стран в целях формирования определенного типа мироустройства, организация которого определяется не столько внешними факторами и взаимодействием между участниками мирового процесса, сколько скрытыми ресурсами, а именно способами организации политической интеракции. Полагается, что именно использование таких ресурсов позволяет преодолеть кризис влияния на региональные политические и экономические объединения, воздействуя на государства или политические блоки.

Обратим внимание на прагматический подход к преодолению современных кризисов. Общий смысл и содержание прагматического подхода продиктованы известными представителями первого прагматизма — Ч. С. Пирсом, Дж. Дьюи, У. Джемсом — и мыслителями, отнесенными ко второму этапу развития прагматизма, — Ф. К. С. Шиллером, Р. Рорти и др. Центральными в прагматическом подходе являются: прикладное применение значимых идей и антифундаментальная направленность — как в теоретических выкладках

известных мыслителей, так и на практике. Представители прагматизма как философского и прикладного учения считают возможным рациональный подход к действию и необходимым — аргументированное отношение к событию [6]. На этом основании прагматики признают релятивность своих интенций, однако несколько изменяют значение данного термина. Утверждается, что фундаментальные положения и предпочтения не имеют веса, а значимыми остаются всё же только те идеи, которые позволяют достигнуть желаемого результата.

Практическое применение логики прикладного понимания идей может дать решение вопроса о военных действиях. Для начала следует отметить, что идеология прагматизма как вектор развития интеллектуальной мысли определяет не только и не столько антивоенные способы мироотношения, сколько умение договариваться на идеологическом, мировоззренческом уровне. Практико-ориентированная программа прагматизма апеллирует исключительно к выгоде, а раз так, значит инструментальные знания должны быть обоснованы таким образом, чтобы эффективно объяснять действия политического субъекта на международной арене. Так, прагматики допускают ведение боевых действий, поскольку связывают эту необходимость с достижением целей, поставленных руководством одной из враждующих сторон. М. Дынник высказывает идею о том, что прагматизм мыслился как идеология империалистической экспансии, поскольку позволял в полном объеме обосновать действия, к примеру, США в Испании. При этом любая такая война трактовалась как необходимость, присущая стратегии борьбы за сферы влияния. Она давала возможность достигнуть результата, расширить влияние на совершенно различные области мироотношения. Однако представленная логика работает эффективно ровно до того момента, пока она выгодна государству, получающему новые сферы влияния. Если этого не происходит, прагматики высказывают идею о необходимости избегать военных действий.

Как следствие, в американском и общеевропейском вариантах программы прагматизма при определенных ситуациях практиковалось довольно скептическое отношение к идеалистам, поскольку в них видели своего рода приверженцев какой-либо идеи (заложников идеи), пускай даже самой возвышенной [4]. Именно здесь прагматики определяли проблемное поле идеализма: для идеалистов не существовало предела в обосновании эффективности следования конкретной идее, поэтому война им представлялась вполне реальной формой столкновения между конфликтующими сторонами. Вместе с тем все представители американского прагматизма резко выступали против такой стратегии, поскольку полагали, что попытки решения конкретных проблем в ситуации зависимости от положений той или иной теории обречены на провал. Это абсурдно и внутренне противоречиво, поскольку не обеспечивает эффективного решения конфликта для всех его участников. Целесообразно говорить о том, что преодоление кризиса, связанного с военными конфликтами, может быть основано на использовании ресурсов современных социальных групп, в том числе интеллектуальных ресурсов, — на способности социума использовать собственные ресурсы и ресурсы иных групп.

Как итог, мы видим позицию прагматической методологии: она относится к той области, в которой интеллектуальные и иные ресурсы заложены в основу определения способов решения актуальных проблем. Одной из таковых является проблема локальных и глобальных войн, точнее, их использования для достижения поставленных целей. Значимым оказывается использование ресурсов, причем делается акцент на интеллектуальном обосновании ведения военных конфликтов, равно как и желания их избежать. Более того, признается, что «машина» агрессивной внешней политики и государственной пропаганды является едва ли не важнейшим ресурсом в этом плане. Как следствие,

исход конфликта зависит от анализа рационально обоснованных форм и способов целеполагания, имеющихся ресурсов.

В результате обобщения методологических подходов к коллективной практике мы пришли к выводу, что консолидация тех или иных ресурсов (диалоговых, принципов прагматического действия, идей мироточности, релятивности существования государства и общества) определяет возможность практического разрешения конфликтов. В столкновении интересов двух и более сторон определяющим является не только и не столько само столкновение, сколько желание сторон достичь договоренности. Как итог, принципиальным становится именно выбор методов, а не процесс достижения.

Отметим также, что представители каждого из обозначенных подходов предлагали те или иные методы и ресурсы, с помощью которых становится возможным разрешение проблемы коллективной практики в современном обществе. Это могут быть идеологические, политические, общесоциальные или деятельностные ресурсы, однако содержание остается единым в его практической ценности: глобальные проблемы современности решаются.

Список литературы и источников

1. **Алексеева Т. А.** Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1. С. 4—21. EDN: RTZSOV.
2. **Гордеев И. В.** Особенности глобальной политики в эпоху постмодерна // Власть. 2008. № 3. С. 79—82. EDN: KARAKH.
3. **Гребенюк А. А.** Информационно-психологическая безопасность и симулякризация науки в современном транзитивном обществе // Человек — Природа — Общество: Теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. 2020. № 6 (13). С. 15—21. EDN: BLKUYW.
4. **Джохадзе И. Д.** Прагматизм и война // История философии. 2015. Т. 20. № 1. С. 193—214. EDN: VUCBKP.
5. **Казанцев А. А.** «Конструктивистская революция», или О роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. 2009. № 4. С. 88—114. EDN: KXOWUZ.
6. **Косарев А. В., Вольф М. Н.** Неопрагматизм Джозефа Марголиса // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 2 (32). С. 3—16. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16>
7. **Кочергин А. Н.** Роль концепции диалогизма в судьбах цивилизации (М. М. Бахтин, М. Бубер, К. Ясперс) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. № 2 (38). С. 45—52. EDN: ZIGAYB.
8. **Ланцов С. А.** Карибский кризис в международных отношениях XX в.: теоретические и практико-политические аспекты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 2. С. 131—136. EDN: RTDBCR.
9. Проблема идей в контексте социального конструктивизма / Н. Н. Равочкин, Н. А. Князев, И. Н. Круглова и др. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 3А. С. 148—157. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.37.41.017>
10. **Соболева М. Е.** О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147—157. EDN: JWLMVJ.
11. **Туманова О. И.** Политическая репрезентация и представительная демократия в философии Ф. Анкерсмита // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (59). С. 216—223. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.1.216>

References

1. Alexeyeva Tatiana A. “Think Like Constructivist: Discovering a Polyphonic World”. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia* 5.1 (2014): 4—21. (In Russian). EDN: RTZSOV.
2. Gordeev I. “Specific Features of the Global Policy in the Post-Modern Era”. *Vlast' = The Authority* 3 (2008): 79—82. (In Russian). EDN: KARAKH.
3. Grebenyuk A. A. “Information and Psychological Security and Simulacrization of Science in a Modern Transitive Society”. *Chelovek — Priroda — Obshchestvo: Teoriya i praktika bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti, ekologii i valeologii* 6 (13) (2020): 15—21. (In Russian). EDN: BLKUYW.

4. Dzhokhadze Igor. “Pragmatism and War”. *Istoriya filosofii = History of Philosophy* 20.1 (2015): 193—214. (In Russian). EDN: VUCBKP.
5. Kazantsev A. A. “ ‘Constructivist Revolution’, or About the Role of Cultural and Civilizational Factors in the Modern Theory of International Relations”. *Politicheskaya nauka = Political Science (RU)* 4 (2009): 88—114. (In Russian). EDN: KXOWUZ.
6. Kosarev A. V., Volf M. N. “Joseph Margolis’s Neo-Pragmatism”. *Idei i idealy = Ideas and Ideals* 2.2 (32) (2017): 3—16. (In Russian). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16>
7. Kochergin Albert N. “The Role of Dialogism Concept in the Civilization’s Fortune (M. M. Bakhtin, M. Buber, K. Jaspers)”. *Gumanitariy: aktual’nyye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya = Russian Journal of the Humanities* 2 (38) (2017): 45—52. (In Russian). EDN: ZIGAYB.
8. Lantsov S. A. “The Carribean Missile Crisis in International Relations of the XXth Century: Theoretical and Practical-Political Aspects”. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX* 9.2 (2013): 131—136. (In Russian). EDN: RTDBCR.
9. Ravochkin Nikita N., Knyazev Nikolai A., Kruglova Inna N., Leopa Aleksandr V., Shtumpf Svetlana P. “The Problem of Ideas in the Context of Social Constructivism”. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being* 9.3A (2020): 148—157. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2020.37.41.017>
10. Soboleva M. E. “On Possibility of Dialog Between Cultures”. *Voprosy filosofii* 3 (2009): 147—157. (In Russian). EDN: JWLMVJ.
11. Tumanova O. I. “Political Representation and Representative Democracy in the Philosophy of F. Ankersmith”. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Herald of Tver State University. Series: Philosophy* 1 (59) (2022): 216—223. (In Russian). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.1.216>

Информация об авторе

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5); профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28).

Information about the author

Nikita N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Assoc. Prof., Associate Professor at Educational Technology Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str., 5); Professor at Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennyya str., 28).

Статья поступила в редакцию 24.01.2023.

The article was submitted 24.01.2023.